

История философии.

50. Шотландский реализм.

Доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сегодня днем мы хотим сосредоточить наше внимание на шотландских реалистах, и, как вы могли заметить из плана на доске, это приведет нас к переходу к Иммануилу Канту, поэтому я планирую в следующую пятницу посвятить общее ознакомление с Кантом, прежде чем мы перейдем к подробному изложению его трудов. Так что вы можете ожидать этого соответственно. Шотландским реалистам и их месту в истории философии было уделено немного внимания, в основном потому, что на этой сцене доминировали британские эмпиристы: Локк, Беркли, Юм, против которых выступал Иммануил Кант, но чье влияние сохранялось в эмпиризме XIX и XX веков, Джон Стюарт Милль и позитивизм.

Однако шотландские реалисты были группой мыслителей эпохи Просвещения и Реформации, в эдинбургском кругу Просвещения (простите, Реформация как-то повлияла на него), в шотландском Просвещении в Эдинбурге в конце XVIII века, чье влияние сохранялось и в XX веке, не только благодаря влиянию тех, кто приехал в Соединенные Штаты, мощному влиянию Принстона, но и в британской мысли. Поэтому, когда мы переходим к реализму начала XX века, и я имею в виду, в частности, Джорджа Мура, мы обнаружим много сходств с шотландскими реалистами. На самом деле, несколько лет назад я проследил целую коллекцию фактических словесных сходств между Джорджем Муром и Томасом Ридом, и это была одна из тех тщетных надежд на историческую статью, которая изменила бы картину, пока, когда я отправил ее в британский журнал *Mind*, он не вернулся с замечанием о недавно вышедшей книге, которая делала то же самое, и на этом закончилось это небольшое начинание.

Тем не менее, мне удалось получить автограф на письме с разрывом отношений от редактора, которым в то время был Гилберт Райл, довольно уважаемый британец. Но шотландский реализм — это весьма значимое движение. И, как мы увидим в конце, движение, о котором Иммануил Кант был хорошо осведомлен.

Таким образом, его влияние проявляется не только в цепочках мыслей, сохранившихся в традиции прямого реализма. Теперь позвольте добавить еще одно предварительное замечание: совершенно неясно, правильно ли Томас Рид интерпретирует Дэвида Юма. По-видимому, он понимает Юма как утверждение, что нет оснований верить во что-либо.

Как будто скептицизм Юма был его последним словом, а не убеждением. И такое прочтение Юма, похоже, сохранялось во многих кругах. И я подозреваю,

что это и есть распространенное представление о Юме, пока вы, очевидно, не прочитаете дальше.

Позвольте мне прокомментировать четыре темы, которые затрагивает Рейд. И первая, как вы, возможно, догадаетесь, — это очень влиятельная базовая теория идей. Репрезентативный подход.

Существует точка зрения, согласно которой непосредственным объектом нашего ментального восприятия являются лишь идеи, находящиеся в нашем сознании. Содержание нашего собственного разума — это всё, что мы непосредственно осознаём. Эта теория, по словам Рейда, — вымысел, созданный философами.

снова и снова будете встречать подобную критику у Рейда . Он считает, что здравый смысл, как он его называет, гораздо ближе к истине, чем философская традиция, берущая начало от Декарта и Локка. Под здравым смыслом он, кажется, подразумевает убеждения, разделяемые каждым человеком нефилософским образом.

Но в то же время его собственные взгляды, кажется, перекликаются с аристотелевским влиянием, которое было очень заметно в философских вопросах до появления теории идей. Поэтому, я думаю, нужно сказать не то, что здравый смысл ближе к истине, чем философия, а то, что здравый смысл ближе к истине, чем теория идей. Вот тут-то и произошла ошибка.

Его мысль в том, что у идей нет вторичных качеств. Ваши идеи не пахнут. Пахнут розы.

Видите ? Ваши идеи не ослепительно яркие. Ослепительно ярким является свет. Поэтому разговоры о субъективности качеств, кажется, искажают то, что мы, по видимому, уже знаем, а именно, что розы пахнут и свет может ослеплять.

Говоря более философским языком, он отстаивает презентационный, а не репрезентативный взгляд на восприятие. Иными словами, он считает, что объекты не представляются нам посредством идей, а непосредственно предъясвляются сознанию, так что я имею прямое восприятие физических объектов. Обратите внимание, я сказал «прямое».

Это теория непосредственного осознания, непосредственного знания и непосредственного сознания, в отличие от косвенного подхода репрезентативной теории. Она называется прямым реализмом. Прямой реализм.

Иногда его называют эпистемологическим монизмом, а не дуализмом репрезентативного взгляда, который предполагает взаимодействие как с идеями, так и с объектами. Поэтому его часто называют именно так. Термин «реализм», конечно, противопоставляется феноменализму, согласно которому мы видим только явления и знаем только свои идеи.

Это реализм в двух смыслах. Во-первых, независимое существование материальных объектов и их качеств. Независимое существование, и вы заметите, что этот термин «независимое» используется неоднократно.

Независимое существование, независимое от сознания. Иными словами, объекты нашего знания существуют независимо от того, знаем мы о них или нет. Они не зависят от сознания, как говорил Беркли.

Таким образом, речь идёт не только об феноменализме, но и об идеализме в этом смысле. О независимом существовании материальных объектов, но и о вере в то, что мы обладаем истинным знанием об этой независимой реальности. Объекты не только существуют независимо, но, я полагаю, феноменалист мог бы так сказать.

Но это означает, что мы действительно обладаем знанием о том, что существует независимо. Объективно, независимо от того, знаем мы об этом или нет. Но это также означает, что мы это знаем.

Вот так. Непосредственное осознание. Итак, эта теория идей... что же он делает с идеями? И очевидно, что с идеями нужно что-то делать.

И то, и другое по очевидной причине: мы постоянно играем с ними в своем уме. В размышлениях, в памяти и так далее. Более того, в эпистемологии мы имеем в виду именно существование идей.

Когда мы говорим о развлечении, что в этом не соответствует действительности? Как может у меня быть иллюзия или заблуждение, если нет психических состояний, которые мы называем идеями? Иллюзия — это психическое состояние, не соответствующее действительности. Заблуждение — это идея, не соответствующая действительности.

Таким образом, помимо непосредственного осознания, необходимо место для идей. Возможно, непосредственное осознание необходимо для того, чтобы постичь самостоятельную реальность и истину вещи. Но идеи также необходимы для объяснения ошибок.

Так что же он делает с идеями? Суть в том, что когда мы говорим об идее в разговорной речи, мы всё ещё имеем в виду непосредственное осознание. Это

может быть непосредственное осознание чего-то, что действительно существует . Или это может быть непосредственное осознание идеи, которую мы сами придумали.

Или же это возникло в нашем сознании, как бы искусно сконструировано из воспоминаний, без нашего осознания. Идеи существуют. Но в своем нормальном функционировании эти идеи являются скорее знаками, чем объектами знания.

То есть, в моем восприятии розы или чего-то обыденного, пахнущего, вроде этого. Видите ли, здесь происходит двойной ментальный акт. Первый — это непосредственное восприятие этого объекта и его качеств.

А ещё есть один отход от этого — идеи, которые у меня в голове возникают, и я использую их, когда не осознаю. У этого есть характерный запах. Если я когда-нибудь столкнусь с этим запахом где-нибудь ещё, я сразу же вспомню об этом.

Таким образом, идеи играют свою роль, но не в качестве посредников. Они скорее выступают в роли указателей на то, что может присутствовать, а что нет, но не в качестве посредников. Идеи выступают в роли посредников только тогда, когда вы думаете об этой идее, а ничего конкретного пока нет.

Таким образом, нам нужно говорить не только о теории идей, но и о естественной вере или вере, основанной на здравом смысле . Вере, основанной на здравом смысле. Иногда это называют реализмом, основанным на здравом смысле.

Обратите внимание на фразу «здравый смысл». У неё как минимум два значения. Вы помните, что у Аристотеля здравый смысл — это чувство, которое координирует и объединяет другие чувства.

sensus communis, как это называлось. Общее Это чувство работало в сочетании с другими органами чувств, общими для всех них.

Объединяющее чувство. Однако Рейд использует этот термин не в таком смысле. Он использует его скорее так, как используем его мы.

Когда вы в ответ на первое прочтение идеализма Джорджа Беркли говорите: «О, это просто противоречит здравому смыслу». То есть, естественным и аналитическим представлениям, с которыми мы выросли, — похоже, это свойственно многим людям.

Проблема с обращением к здравому смыслу, конечно, заключается в том, что то, что является общепринятым в одной культуре, может быть необщепринятым

в другой. Поэтому некоторые вещи, которые кажутся американцам очевидными, могут быть совершенно чужды здравому смыслу в Тимбукту или Тимбуктрэд. Да, сэр.

Таким образом, в некотором смысле термин «естественные убеждения» может быть несколько безопаснее. И с философской точки зрения, это, безусловно, термин с гораздо более осмысленной историей. Естественные убеждения.

В конце концов, у нас существует традиция, восходящая к Юму, рассуждавшему о законах природы. Сейчас они понимаются по-разному в этике и науках. Но использование природы в философском контексте восходит к Аристотелю.

Вы помните? Кто постоянно говорит по любому поводу, от физики до этики: «По природе, по природе, по природе — вот признак, по природе». Так что Рейд апеллирует к внутренней природе вещей.

Естественные убеждения зависят от внутренней природы человека. Это не искусственные убеждения, которые мы выдумываем. Как это принято считать в постмодернистской точке зрения.

Нет, мы сами создаём свои ценности, свои смыслы и свои убеждения. Это не для Рейда.

Существуют убеждения, которые возникают естественным образом в ходе природных процессов. Они спонтанны, а не искусственны. В этом отношении есть значительное сходство с Дэвидом Юмом.

Понимаете? Потому что психология убеждений Юма позволяет ему утверждать, что определенные убеждения являются естественными. Они возникают в ходе природы. И помните ту любопытную главу в исследовании Юма о разуме у животных? Видите ли, на самом деле он говорит там не о том, что животные выводят свои убеждения с помощью рассуждений.

Животные не рассуждают. Животные, похоже, ведут себя так, будто у них тоже есть убеждения. Они верят в реальность внешних объектов, например, кучи сена.

Видите? Они верят в реальность того, этого и другого. Кажется, они верят в определенные вещи, касающиеся этих существей. И это убеждения, квазиубеждения, которые возникают просто в ходе природы в силу присущей психологии лошадей природы.

Итак, здесь мы видим аналогию между тем, что делает Юм, говоря о вере, и тем, что делают шотландские реалисты, говоря о естественной вере. Разница в

следующем. Шотландские реалисты не утверждают, что человеческая природа повсеместно склонна порождать определенные убеждения.

Юм в это верит. Но Рейд делает акцент на том, что Бог создал нас таким образом, что в ходе естественных процессов мы придем к определенным убеждениям. У него есть теистическое обоснование для того, чтобы обращать внимание на естественные убеждения.

Впрочем, даже это не ново. В конце концов, у Декарта было теистическое обоснование для доверия к иррациональным способностям. То же самое было и у Джона Локка.

И теперь, благодаря Беркли и Юму, стало очевидно, что ваши рациональные способности к интуиции и доказательству не так уж хороши, как считали Декарт и Локк. Если действительно рациональные способности более ограничены, то факт остается фактом: у нас есть естественные склонности к вере. Так что можете благодарить Бога за это.

Да, сэр. Таким образом, это та же самая теистическая основа эпистемологии, которую мы имели у Декарта и Локка, но с обновленным взглядом на роль и ограничения рационального доказательства. Тем не менее, Рейд по-прежнему высоко ценит рациональное доказательство.

Рейд по-прежнему придерживается своего рода фундаменталистской позиции. Знаете, фундаменталист — это тот, кто считает, что существуют определенные основополагающие истины, из которых можно вывести гораздо больше. Вот именно так думает Рейд.

Но основополагающие истины не являются бесспорно достоверными. Они не являются рационально достоверными. Основополагающие истины — это естественные убеждения.

Именно на основе этих естественных убеждений мы делаем свои выводы. Таким образом, исходя из наших естественных убеждений о существовании физического мира, упорядоченности физического мира, величественном порядке этого мира природы, мы, конечно же, можем затем вывести дедуктивные аргументы в пользу существования Бога. Космологические и телеологические.

Такова была точка зрения Чарльза Ходжа, теолога из Принстона, примерно в 1860 году, который построил теистические аргументы на основе шотландского реализма. И поэтому это лежит в основе так называемой индуктивной апологетики, которая зародилась в Принстонской семинарии и сохранялась на протяжении десятилетий вплоть до XX века. Шотландский реализм.

К числу этих естественных убеждений Рейда относятся, например, убеждения относительно законов логики, а также аксиом математики, например, евклидовой геометрии.

Убеждения относительно существования и природы материальных вещей. И, кстати, он не разделял атомизм материи. Изолированные частицы без каких-либо взаимосвязей.

Нет. Убеждения о причинно-следственных связях. О, да.

Необходимая связь между тем, что мы называем причиной и следствием, известна напрямую. Мы её ощущаем. И я думаю, что с этой точки зрения можно довольно убедительно порассуждать.

Традиционные аргументы, которые мы встречали у таких людей, как Локк, утверждали, что наиболее тесное осознание этого мы находим в собственном внутреннем опыте, в наших представлениях о рефлексии. Причинно-следственная связь между волей и телом возникает, когда вы решаете что-то сделать и заставляете себя это сделать. Я думаю, что в наших собственных телесных ощущениях мы, по аналогии, осознаём причинную силу, причинную мощь.

Когда поднимаешь тяжелые веса, чувствуешь силу в мышцах. Иногда я привожу в пример, как мы заносим в дом эти большие 18-килограммовые мешки с солью для умягчения воды, которые нам здесь приходится использовать в системах умягчения воды. У вас по одному мешку в каждой руке, понимаете.

И, держа по одной штуке в каждой руке, вы укрепляете руки и несётесь вперёд, пошатываясь, понимаете. И вы чувствуете это по всей длине. Вы чувствуете причинно-следственные связи в некоторых частях тела.

Что ж, именно так рассуждает Рейд. Но имейте это в виду, потому что к этому вопросу Иммануил Кант ещё вернётся. Ключевой вопрос, как указывал Юм, заключается в нашем знании вещей, фактов, выходящих за пределы нынешнего опыта, вне сознания.

Ключевой вопрос — вопрос причины и следствия. Знаем ли мы о существовании причинно-следственных связей? Юм ответил отрицательно, но мы начинаем в них верить. Рейд говорит, что знание — это просто истинная вера.

И у нас есть естественная вера. Но Канта не устраивают ни те, ни другие. Поэтому он пытается найти какой-то другой источник для идеи причинно-следственной связи.

Это будет иметь решающее значение. У нас также есть естественные представления о памяти. Кто-нибудь из вас сомневается в том, что я только что сказал? Нет, вы верите в это естественным образом, потому что помните, что я это сказал.

Естественные представления о человеческой свободе. Естественные представления о моральных принципах. Они коренятся в человеческой природе.

В склонностях. Интересное слово. В склонностях человеческой природы.

И вы, возможно, помните, что именно это слово использует Дэвид Юм, когда говорит о моральной психологии. Склонности. На самом деле, сегодня утром я читал книгу Кейта Яндела о философии религии Дэвида Юма.

И у него есть целая глава, посвященная склонностям человеческой природы у Дэвида Юма. Потому что, хотя Юм, по сути, утверждает, что «я» — это просто набор взаимонезависимых и изолированных идей, восприятий и впечатлений, без какой-либо лежащей в его основе субстанции разума или души, о которой мы могли бы знать.

Однако, как это ни парадоксально, он также утверждает, что человеческая природа обладает определенными естественными склонностями, которые нас убеждают. Это любопытно. Между отдельными элементами сознания нет никакой связи.

Но так или иначе мы соединяем их определенными стандартными способами. Видите ли, Яндел утверждает, что это противоречие у Юма. У него два разных взгляда на себя, которые несовместимы.

Итак, Рейд развивает эту идею человеческих склонностей, корнящуюся в самой природе человека, благодаря которой мы не видим взаимосвязи между атомистическими, дискретными идеями.

Но благодаря этому мы формируем убеждения в естественном процессе. И можно даже сказать, что для него это необходимые убеждения. Они по необходимости истинны.

В данном случае слово «необходимый» означает, по-видимому, что-то вроде психологической необходимости. Учитывая особенности человеческой психологии, невозможно не верить в определенные вещи. Психологическая необходимость.

Это отличается, не так ли, от понятия логической необходимости. Необходимая истина в логическом смысле — это истина, единственная альтернатива которой, её противоречие, является самопротиворечивой и, следовательно, ложной. Таким образом, если альтернативы — А или не-А, и не-А оказывается самопротиворечивой и, следовательно, ложной, то по логической необходимости А истинно.

Видите ли, это была бы логически необходимая истина. Интересно то, что Джордж Мур, который подхватил эту тему сразу после 1900 года, утверждает, что эти естественные убеждения логически необходимы. Почему? Потому что их противоречие самопротиворечиво.

Почему? Ну, возьмем, к примеру, того парня, о котором я упоминал в прошлый раз, который сказал, что время нереально. Понятно? Время нереально. Он постоянно это опровергает, когда говорит: «Я должен сделать что-то одно, прежде чем сделать что-то другое».

Это противоречивая точка зрения. Мур называет это парадоксом: философы постоянно отрицают своими действиями то, что они говорят. Что очень напоминает Томаса Рида, не правда ли? Противоречие заключается между теорией и практикой.

Если бы вы верили в то, что говорите, вы бы так не поступали. Поэтому утверждается, что это противоречие делает это логически необходимой истиной. Это никогда не находило одобрения у людей, не являющихся реалистами, но некоторые, что вполне понятно, считают, что здесь происходит некое смешение категорий, практического и теоретического.

Итак, у нас есть эти естественные или здравые убеждения. Послушайте, что говорит Рейд о вашем друге Декарте. Человек, подобный Декарту, который сомневается в собственном существовании, помнит первую медитацию, безусловно, так же непригоден для рассуждений, как и человек, который верит, что он сделан из стекла.

Возможно, в человеческом организме существуют расстройства, порождающие подобные экстравагантности, но их никогда не вылечить с помощью рассуждений. Теперь, помимо личных нападков и чувства юмора, очевидно, что если вы думаете, что вас не существует, значит, что-то не в порядке. У вас есть какие-то психологические проблемы.

Ваши природные склонности дают сбой. Поскольку естественные убеждения спонтанны, они не являются добровольными. Это спонтанные интерпретации опыта.

Таким образом, когда вы испытываете какое-либо ощущение, физическое ощущение, это для вас знак того, что вокруг вас находится какой-то материальный объект. И поэтому вера в то, что обозначается, — это естественная, спонтанная реакция, ответ. Видите ли, происходящее здесь напоминает бихевиористские механизмы «стимул-реакция».

Такова природа непосредственного восприятия: если это глаз, то возникает стимул, ощущение, которое немедленно вызывает реакцию, подтверждающую наличие чего-то. Вы не моргнули; вы должны были это сделать. Потому что ваше моргание подтвердило бы узнавание чего-то на месте.

В следующий раз я сделаю это немного лучше. Конечно, Рейд был представителем добихевиористической психологии, но после развития бихевиористической психологии, Уотсона и других, реалисты действительно начали апеллировать к механизмам стимул-рефлекс для объяснения непосредственной природы чувственного восприятия. Таким образом, ощущение — это знак, который Бог предусмотрел для нас.

Воспоминание — это знак. Я что-то вспоминаю, что-то возвращается, говорю я своему разуму. Возвращается? Это знак того, что что-то должно вернуться.

И я спонтанно отвечаю и подтверждаю то, что помню. А воображение, то, что вы знаете как просто воображение, — это знак, знание того, что это что-то, что вы воображаете, — это знак того, что на самом деле ничего такого нет, во что вы верите. Так что, когда я говорю о своих жирафах-феях с крыльями бабочек, понимаете, зная, что это воображаемый экземпляр, вы не воспринимаете это как указание на материальный объект, вы воспринимаете это как указание на безумные идеи Холмса.

Ничего больше. Что ж, значит, это обусловлено человеческой природой в целом и свойственно всем людям, а не является результатом логических рассуждений, из-за чего у нас сформировались эти естественные убеждения. А вот эти шотландские реалисты, что неудивительно, были шотландскими пресвитерианцами.

И их теизм проявляется именно так, как я указал. Но мне интересно найти аналогичное утверждение, не идентичное, но параллельное утверждение у Джона Кальвина. И я не хочу сказать, что Томас Рид читал то же самое издание «Институтов» Кальвина, что и я, или даже что он отметил этот отрывок в своем собственном издании «Институтов» Кальвина.

Но послушайте, и вы заметите сходство. Это Джон Кальвин. Многогранная гибкость души, позволяющая ей охватывать небо и землю, соединять прошлое с

настоящим, сохранять память о давно услышанном, представлять себе все, что ей вздумается, с помощью воображения.

Видите ли, есть восприятие, созерцание неба и земли. Память, события давних времен. А теперь — воображение.

И его изобретательность в создании таких восхитительных искусств, и он приводит некоторые примеры, являются несомненным доказательством божественности в человеке. Другими словами, человеческая природа, то, как мы созданы, свидетельствует о том, что создатель наделил нас этими склонностями. Таким образом, если Кальвин принимает это за доказательство существования Бога, то Рейд, занимаясь эпистемологией, принимает существование Бога как данность и находит в этом оправдание для естественных верований.

Я бы сказал, что в XX веке у таких людей, как Дж. Э. Мур, не было теистического обоснования. Дж. Э. Мур оставался своего рода агностиком, в религиозном плане. Хорошо, тогда теория идей, естественные верования.

Позвольте мне сделать паузу на мгновение. Комментарий, отзыв? Да, Трой. Две точки зрения на... О да, да.

Мне интересно, существует ли какой-то порядок, который Юм выстраивает в этом наборе восприятий, и, возможно, этот порядок действительно жёсткий, но мне интересно, приходится ли Уайтхеду сталкиваться с той же проблемой, если он делает это посредством процесса, а не... Да, да. Во-первых, насколько я помню, Юм не говорит о внутреннем порядке этого набора восприятий. Нет.

Его язык прост: идеи появляются и исчезают на стадии сознания. С другой стороны, когда он заходит речь о памяти, он признает, что у нас есть некое естественное убеждение, на которое мы опираемся в этот момент, естественная склонность, если хотите. Но он не объясняет, как это возможно.

Что же порождает такую склонность, если существуют лишь восприятия? Нет. Теперь вопрос о Уайтхеде, да, Уайтхеду действительно приходится с этим разбираться. Мы... Возможно, вы захотите вернуться к этому, когда мы дойдем до Уайтхеда.

Но, видите ли, Уайтхед в общих чертах придерживается точки зрения Юма о том, что «я» — это просто временной поток событий сознания. Это наполовину формулировка Уайтхеда, а наполовину перевод. Но это всё же временной поток событий сознания.

Это, конечно, развивает свой собственный внутренний характер, свои собственные внутренние характеристики, вы увидите. Поэтому ему приходится иметь дело с вопросом Юма. Он действительно имеет дело с вопросом Юма.

Среди исследователей творчества Уайтхеда ведутся споры о том, насколько адекватно он это делает. Как ему это удаётся? Благодаря тому, что он отвергает точку зрения, согласно которой каждый момент опыта лишён причинной силы. Для Уайтхеда, следуя за реалистами, каждое происходящее событие является единицей причинной силы.

Итак, он преодолел проблему причинно-следственной связи. Вот как он это делает. Хорошо, человеческая свобода.

Дэвид? Нет, не естественные идеи. Он отвергает точку зрения о существовании промежуточных идей между разумом и объектом. У него естественные убеждения.

Убеждение — это не идея. Убеждение включает в себя суждение. Понимаете? Суждение, которое признает и подтверждает согласие или несогласие с различными идеями.

Это совсем не то же самое, что идея. Кстати, некоторые из вас в своих конспектах по Юму не совсем ясно видели различие между идеями и двумя видами знания: отношениями идей и фактическими обстоятельствами.

И склонны рассматривать отношения идей и фактов как два разных вида идей. Нет, это два вида суждений, два вида знаний. Идеи бывают простыми, сложными и им предшествуют впечатления.

Итак, свобода и детерминизм. Вспомним Дэвида Юма, который говорил, что, хотя мы не знаем о необходимой связи, постоянные совпадения одних и тех же пар вещей — предшествующих и последующих — снова и снова заставляют нас верить в причинно-следственную связь. И поскольку подобные закономерности встречаются в человеческом опыте и признаются как сторонником человеческой свободы, человеческой свободной воли, так и сторонником детерминизма, нецесситаризма, то между двумя Юмами нет никакой разницы.

Однако Рейд с этим не согласен. Категорически не согласен. Рейд утверждает, что в человеческих действиях присутствует особая причинно-следственная связь.

Он называет это человеческой деятельностью. В результате этого в дискуссии XX века мы различаем причинно-следственную связь, обусловленную

деятельностью человека, и простую физическую причинность. Причинно-следственная связь, обусловленная деятельностью человека .

Рид утверждает, что наша собственная причинная сила — это своего рода сила, причинная сила, о которой мы непосредственно осведомлены. Наша собственная причинная сила — это причинная сила, о которой мы непосредственно осведомлены.

Мы мгновенно осознаём, что обладаем способностью инициировать события, заставлять что-то происходить. Поэтому я могу сказать: «Занятие окончено, можете уходить». И я уверен, что это положит начало чему-то новому .

Но пока нет. Это непосредственное осознание обладания властью, осуществления этой власти, — одно из таких естественных убеждений. Это неизбежно.

Теперь, конечно, возникает вопрос: является ли само проявление этой власти, её осуществление, свободным или предопределённым? Юм говорит, что мы можем быть свободны действовать, но у нас нет свободы выбора. Потому что постоянная взаимосвязь между мотивами и действиями заставляет нас думать, что действия предопределены мотивами.

И здесь Рейд снова не согласен. Свобода — это способность выбирать, вызывать что-либо или нет. Эта свобода — не просто акт рассуждения.

Наши рассуждения могут определяться предшествующими идеями и убеждениями. Но свобода — это не акт рассуждения и не его результат. Это не просто мотивация.

Потому что наши мотивы, как указывал Юм, могут быть предопределены. Но выбор — это выбор между альтернативными рассуждениями и между альтернативными мотивами. И иногда мы делаем выбор, не прибегая к более веским доводам или не руководствуясь сознательными мотивами.

Иными словами, наши рассуждения и мотивы могут быть предопределены, но, с другой стороны, могут и не быть. И поскольку мы осознаем, непосредственно осознаем свободу выбора альтернатив, это и есть интроспективный аргумент; возникает естественная вера в свободу, которую он утверждает. Теперь он сталкивается с тремя контраргументами к нему.

Один из контраргументов заключается в том, что, безусловно, должна существовать достаточная причина для объяснения всего. У всего должна быть причина, это закон достаточного основания. На что Рейд отвечает: субъектность — это достаточное основание.

Бывают случаи, когда я являюсь причиной. И это мой выбор. Если причин нет, это капризно и опасно.

На что он отвечает, что свобода воли — это не беспричинное действие. Я являюсь причиной действий своего агента, и я действую не капризно, а обдуманно. Третье возражение заключается в том, что свободой выбора на самом деле обладает только Бог, который является причиной всего.

Вы помните точку зрения, согласно которой Бог всемогущ и обладает всей властью. Возражение заключается в следующем: если Бог обладает всей властью, как мы можем обладать этой властью как субъекты-причины? На что Рейд отвечает, что для знания тот факт, что Бог может знать, что произойдет, не означает, что это произойдет. Иными словами, существуют вторичные причины, такие как субъекты-причины, которые являются причинами, участвующими в создании вещей.

Итак, он отвечает на эти довольно стандартные аргументы, хотя, конечно, адекватно, именно это часто и обсуждается. Хорошо, есть какие-нибудь комментарии по этому поводу, или готовы взглянуть на его этические принципы? Почти предсказуемо, что он скажет, не так ли? Как только вы понимаете понятие естественной веры, это становится почти предсказуемым. Можно ли как-то описать акт выбора, который бы казался свободным? Осознание физической причинности, да, и напряжение в мышцах, когда делаешь выбор.

Да, вам когда-нибудь приходилось выбирать между двумя альтернативами, когда, рассматривая их, вы не находите неопровержимых доказательств, и решение кажется, скажем так, простым, но в то же время уже принятым? Да, такое случается. Понимаешь, что можно выбрать любой вариант. И, возможно, в последнюю минуту передумываешь.

Видите ли, существует это мучительное ощущение свободы выбора. Именно к этому он и апеллирует. Ладно, этика Рейда.

Я только что сказал, что Рейд был фундаменталистом, поэтому все рассуждения начинаются с первопричин. Хорошо, так же обстоит дело и в этике. Поэтому этика, как и любая наука, имеет свои первопричины.

Это очень показательное утверждение. Этика, как и любая наука, имеет свои основополагающие принципы. Юм говорит, что этика — это не наука.

Метафизика не является наукой, потому что в ней нет первопричин, из которых можно было бы делать выводы. Но Рейд утверждает, что этика — это наука, и в

ней есть первопричины, из которых можно делать выводы. При этом он рассматривает эти первопричины с разных сторон.

Позвольте мне перечислить, как он о них говорит. Насколько я понимаю, это своего рода синонимы. Он говорит, что первопричины — это самоочевидные принципы.

Само собой разумеется. Для каждого, кто имеет совесть и прилагал усилия, чтобы её проявлять. Естественные склонности.

Ничего. Он говорит, что существуют естественные желания и страсти, которые делают нас способными к нравственной жизни. Естественные склонности.

Он рассуждает о замысле природы. Он говорит, что существуют аксиомы, ведущие к общественной добродетели и хорошему управлению.

Он говорит, что существуют интуитивные доказательства, которым я не могу противостоять. Он говорит, что совесть — это закон Божий, написанный в сердце, которому нельзя нарушать, не поступая неестественно, вопреки природе. Он говорит, что нравственное суждение и совесть вырастают в зрелость из незаметного семени, посеянного в нас Творцом.

Естественные склонности. Он говорит, что, руководствуясь природным импульсом, мы осмеливаемся судить сами. Таким образом, его обращение, опять же, направлено на естественные склонности.

Однако, основные принципы этики, которые он выводит таким образом или рассматривает в этих терминах, весьма общие. Некоторые вещи заслуживают одобрения. Другие — осуждения.

Хорошо, есть разница между правильным и неправильным. Первый принцип, он где-то нужен. Повторюсь, мы должны использовать все доступные нам средства, чтобы быть в курсе своих обязанностей.

Мы несем моральную ответственность за то, чтобы это выяснить. Именно такие вещи он считает первостепенными принципами, и именно на их основе мы выносим суждения по конкретным случаям. Именно в этом контексте он критикует Юма.

Он утверждает, что теория идей Юма привела от субъективности вторичных и первичных качеств к субъективности красоты, добра и зла. Это этический субъективизм Юма. Но его собственная точка зрения в некоторых аспектах паразитально похожа на точку зрения Юма.

Он говорит, что чувство, это эмоциональная составляющая, и суждение, это рациональная составляющая, неразделимы при вынесении морального одобрения и моральных суждений. И разум, и чувство. Вот что сказал Юм.

Одно не может заменить другое. Одно не сводится к другому. Когда я что-то одобряю, я сознательно выношу моральное суждение.

Это судебное решение. Это не просто эмоциональная реакция. Но разница в том, что это решение касается не только фактов дела.

Как и у Юма. С его эмпирическим подходом к последствиям. С его подходом к полезности.

Причина в том, чтобы выйти за рамки фактов и исследовать взаимосвязь между идеями. Согласие или несогласие — вот что подразумевается под суждением. Поэтому, когда мы основываемся на принципе, например, что следует предпочитать большее благо меньшему, это вызывает вопросы.

На основании подобных соображений я делаю вывод, что один вариант приносит больше пользы, чем другой. Логично следует, что я должен предпочесть тот, который приносит больше пользы. Таким образом, моральные суждения, реальные суждения, основываются на интуитивных принципах.

Что ж, это не так полно, как мне бы хотелось, чтобы он это представил. Но это наиболее полная картина, которую я нашел у Локка на данном этапе. У Локка на данном этапе.

Комментарий? Вопрос? Разум и чувство. Отличие от Юма в роли разума. Ладно, думаю, этот комментарий о Канте мы оставим на следующий раз.

Это просто означает, что у нас появится возможность вновь осознать значимость шотландских реалистов.